

ДИСКУССИЯ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ: ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Прежде, чем уважаемые читатели откроют первые страницы оживленной дискуссии, посвященной состоянию и будущему российского религиоведения, хотел бы представить если и не предисловие, то некоторое введение (и отчасти анонс) к последующей дискуссии.

Итак, базовый текст дискуссии – доработанный и уже довольно известный в сообществе текст Т.А. Фолиевой «Головокружение от успехов II». Поскольку этот текст ставит четкие, конкретные вопросы и определяет существенные, на наш взгляд, проблемы российского религиоведения, постольку он был избран нами в качестве отправной точки и опубликован первым – сразу после данного введения. Тексты остальных авторов расположены в алфавитном порядке.

Предметом анализа отправного для дискуссии текста Т.А. Фолиевой становятся негативные тенденции в отечественном религиоведении, и в этом его сильная сторона (поскольку советская традиция победных реляций даже в сфере религиоведческого самоосмысления никуда не исчезает). Автор характеризует настроения, сложившиеся в религиоведческом сообществе как депрессию и страх; депрессию вызывают процессы сокращений (как бюджетных мест студентов, так и ставок профессорско-преподавательского состава) на фоне взрывного увеличения объема бюрократических процедур в работе прежде всего преподавателя-религиоведа, в то время как страх имеет комплексную причинность – это и, судя по всему, общее старение преподавательского состава, и возрастание жесткого контроля за образовательной сферой со стороны административно-управленческих структур, и страх критики, за которой может последовать увольнение, и нарастающим итогом – страх вообще проявлять какую бы то ни было научную и / или организационную активность.

Работа религиоведов не востребована ни государством, ни обществом; религиоведы «молчат», не отвечая на, кстати сказать, несформулированный запрос общества, и потому на сцену выходит

теология и как бы отбирает у религиоведения академические и экспертные функции. Религиоведческое образование постепенно становится все более конфессиональным, в то время как религиоведы-ученые все больше запираются в башне из слоновой кости, постепенно исчезающей в теоретическом тумане. Кафедры и иные религиоведческие институты изолированы друг от друга, профессиональные ассоциации неработоспособны (и автор достаточно убедительно объясняет, почему) – религиоведам же, пожалуй, стоит объединяться вокруг конкретных проектов и надеяться как-то пережить смутные времена.

Невовлекаясь столь глубоко в тексты других участников дискуссии, тем не менее, отметим: в итоге формируется несколько позиций, осмысляющих (или, кстати сказать, отказывающих в осмыслении) поднятую Т.А. Фолиевой проблематику совершенно различным образом. Так, в целом, позиции К.М. Антонова, И.П. Давыдова, П.Н. Костылева, М.Ю. Смирнова близки и в некоторых случаях даже являют собой продолжение позиции Т.А. Фолиевой, в то время как тексты В.В. Шмидта и Е.С. Элбакян представляют позицию полностью противоположную (что, кстати, неудивительно, поскольку они являются членами Управляющего совета Ассоциации российских религиоведческих центров – организации, которую Т.А. Фолиева фактически объявляет неработоспособной).

Текст В.В. Шмидта снабжен весьма важными приложениями, из которых видны этапы развития инициативы, в итоге приведшей к возникновению АРРЦ. Но и до всяких приложений мы с удивлением узнаем, что «российское религиоведение способно активно конкурировать, а по отдельным вопросам, например, методологическим и философии религии, задавать тон среди национальных школ религиоведения на дискуссионных площадках мира; оно структурно организовано» – в рамках АРРЦ, разумеется. В тексте Е.С. Элбакян видны те же, в каком-то смысле, подобные заклинательным формулы, описывающие становление АРРЦ как организации, по мысли представителей этой позиции, вполне легитимной и способной подхватить угасший факел советского религиоведения и успешно – пусть и не без некоторых неувязок, – пронести его сквозь наше время к светлому будущему. Тем не менее,

интересны как сложные теоретические построения В.В. Шмидта, так и история задач религиоведческого сообщества России в изложении Е.С. Элбакян, во многом совпадающих с простой логикой развития науки. Эти статьи очень важны, поскольку наглядно показывают содержательную реакцию статусных представителей сообщества на, по их мнению, задевающую их саму постановку вопроса о российском сообществе. К сожалению, все эти позитивные черты данных текстов содержательно перевешивает отказ отвечать на ясные и простые вопросы Т.А. Фолиевой об АРРЦ – организации без устава, регистрации, сайта, издания, системы членства и т.п. (но зато уже проведенной несколько Конгрессов, к сожалению, не оставивших следа в виде каких-либо их материалов, и имеющая Управляющий совет, членов которого никто никогда не выбирал открыто). Созданная в результате действительно серьезных согласований (что видно хотя бы из приложений к тексту В.В. Шмидта), занявших несколько лет совместной работы будущих членов Управляющего совета, организация пока что остается – а, по нашему мнению, и останется, – своего рода рамочным понятием, реально не объединяющим никого кроме ее учредителей.

Важный региональный и в обоих случаях успешный опыт выживания и развития в недружественных контекстах представлен в текстах заведующих кафедрами во Владимирском государственном и Казанском (Приволжском) федеральных университетах Е.И. Аринина и Л.С. Астаховой. В частности, Е.И. Аринин предлагает не обижаться на коллег и руководствоваться тезисами поэта Б. Окуджавы «Давайте делать паузы в словах» и «Давайте жить дружно» кота Леопольда, ведь каждый делает «что и как может», т.е., фактически мы имеем дело с мягким запретом критики в отрасли – и в этом плане его позиция оказывается чем-то близка текстам В.В. Шмидта и Е.С. Элбакян, в частности, советующей «не идти на поводу у эмоций».

Позиции авторов не только отвечают на вопросы первой статьи или как-то описывают проблематику, но и делают проблему сложной, объемной, более реальной. Полагаю, что К.М. Антонов прав в том, что религиоведению есть чему поучиться у теологии – хотя бы успешному опыту консолидации в недружественном окружении.

Интересна точка зрения Е.И. Аринина, согласно которому российское религиоведение находится в периоде «авторских проектов» (что бы это не значило), да и термин «вольные религиоведы» обладает огромным мотивирующим потенциалом. Л.С. Астахова, в свою очередь, приглашает к размышлению о том, какие экспертные функции религиоведы должны предоставлять бесплатно, в силу своей природы («Вы ж религиоведы»), а какие – на платной основе (и этот вопрос верен и своевременен), ее предложение – наладить нормальную систему коммуникаций между властью и религиоведческим сообществом. Образ «сетевое сообщество» религиоведов (здесь мы сильно упрощаем), адаптированный И.П. Давыдовым из работ Б. Латура и предчувствий М.Ю. Смирнова, действительно представляет новый взгляд на ту же проблему – хотя представление о первичности религиоведческих дисциплин или, точнее, их актантов (философов, социологов, психологов, историков религии) и вторичности, собственно, религиоведения все еще требует своего серьезного обсуждения. Следуя терминологии Б. Латура И.П. Давыдов убедительно говорит о недостатке, в случае российских религиоведов, мобилизации актантов, автономизации научного дискурса, привлечения заинтересованных лиц извне («союзников»), PR-кампании в поддержку проекта и умелого администрирования. Сам же М.Ю. Смирнов предполагает пока говорить не о религиоведческом сообществе, а, скорее, о среде – наподобие растительного бульона и т.д.

В итоге противопоставления позиций мы, фактически, имеем два пути:

1. Следовать позиции Ассоциации российских религиоведческих центров, в которую невозможно вступить и которая носит, честно говоря, фантомный характер, – но зато никого не «обижать» / «жить дружно» (Е.И. Аринин) и «уважать Учителей» (Е.С. Элбакян), несмотря на то, что ее представители не в состоянии хоть как-то, лично или публично, ответить на вопросы «вольных религиоведов» (используя термин Е.И. Аринина), или же –

2. Создать для защиты и продвижения интересов религиоведческого сообщества и его членов, информирования, организации и обсуждения принципиальных вопросов жизни

сообщества (формулировки К.М. Антонова), создания интернет-портала и англоязычного журнала (формулировки П.Н. Костылева) плюс возрождая демократические процедуры в российском религиозноведческом сообществе (следуя призыву Т.А. Фолиевой) нормальную профессиональную организацию, имеющую и членство, и сайт, и журнал, и процедуру выборов руководящего состава, и зарегистрированную юридически. По оценке Т.А. Фолиевой мы говорим о сообществе размером в 50-70 активных членов и около 400 пассивных, по П.Н. Костылеву – о полутора – двух тысячах человек – неужели эти сотни и, быть может, тысяча – другая исследователей и преподавателей не заслуживают представляющей их права ясной и прозрачной организации?

К.М. Антонов в своем тексте задает важные вопросы: «готовы ли мы к созданию настоящей *рабочей* ассоциации исследователей религии? Готово ли наше сообщество к той ответственности, которую подобная самоорганизация на нас возлагает?»

Полагаю, что уже да. А уважаемые читатели, по итогам дискуссии, вольны иметь по этому поводу любое мнение.

Главный редактор